

ПОД ЗВЕЗДОЙ ПАУСТОВСКОГО

Весной уходящего года, когда собрался оргкомитет по празднованию 125-летия со дня рождения Константина Георгиевича Паустовского, директор Центрального Архива литературы и искусства (РГАЛИ) Т. М. Горяева неожиданно предложила мне возглавить жюри короткого рассказа, посвящённого юбилею. Я слегка удивился — почему конкурс проводит Архив, но, подумав, сообразил, что ЦГАЛИ — величайшее отечественное хранилище рукописного наследия, наряду с Пушкинским домом в Петербурге, и здесь наверняка хранится “весь Паустовский” в рукописях. Так оно и есть.

Но сейчас я просто представляю трёх победителей конкурса коротких рассказов.

Сергей Бодров из Вологды — член Союза писателей, и его “Силачи́ха”, занявшая первое место, заставляет задуматься — с печалью, — как меняется наше существование и что мы знаем о старых русских людях, в одиночестве доживающих свой век. Второе место жюри отдало Андрею Кузечкину из Нижнего Новгорода за его рассказ “Лётчик”. А третье место заняла Мария Титова из Брянска за рассказ “По капле возвращается дождь” о событиях уходящих, но о напоминаниях честных. Сразу и не понимаешь, о чём идёт речь, и даже о какой стране. Почти в то же время, когда подводились результаты конкурса, мне пришлось побывать во Вьетнаме, и именно там я мысленно поблагодарил автора, откуда-то знающего, что народ этой страны помнит и благодарит Советский Союз за братство в тяжкие дни испытаний. Подтверждаю это непреходящее чувство благодарности собственным свидетельствованием.

А авторам конкурса в память о Паустовском желаю удачи! Пусть светит им его высокая звезда.

Альберт ЛИХАНОВ

СИЛАЧИХА

Анна Ивановна Воробьева, всю свою жизнь отдавшая школе, преподавая военное дело и физкультуру, давно уже не у дел. Сейчас Воробьева пенсионерка, последняя, кто живёт постоянно в лесном поселке, где когда-то был лесопункт.

Вечность, вечность. Где начало её? Где продолжение? Вечность эту учуяла Анна Ивановна в майские дни, когда заливаются соловьями весёлые славки, цветёт черёмуха и плывут по реке сплаваемые плоты. В эту вещную пору у Анны Ивановны умер муж.

Когда-то была она самой известной в посёлке женщиной, носившей прозвище Силачиха. Так прозвали её за две двухпудовые гири, которые поднимала она, как в школе своей, так и на стадионе, где каждый год проходили соревнования, и никто из мужчин не мог Анну Ивановну победить.

Были ещё у неё два сына. Но где они ныне, матери не известно. Повзрослели, уехали и исчезли.

Однако же не совсем одна она и осталась. Спасали её от горького одиночества кот с козой да приезжавшие на всё лето дачники-горожане. Почти всех она знала, и было ей среди них по-свойски приветливо и занято. С кем-то из них она встретится у колодца, с кем-то отправится в лес по ягоды и грибы. От каждого дома перепало ей хоть и малое, но внимание. Чем она была и довольна. Даже чужие детки грели Ивановну душу, когда по зову её забирались к ней в огород, где назрели сладкие плитки гороха, и можно было отправить их в рот, как конфетки.

Но вот наступила поздняя осень. Расстались с посёлком все, кто в нём жил. Даже кошки и те уезжали с хозяевами отсюда. Силачиха одна. На целых полгода. Вечерами её развлекал телевизор. Смотрела его до глубокой ночи.

Утром, едва подоив козу, выходила с ней на прогулку. Рядом был ещё Елисей, серый кот в лоснящейся шубке.

Ноябрь. Уже и снегу поднавалило. Улица длинная. Справа и слева дома с огородами. Выбираясь из косяков, окна с холодным вниманием окидывают дорогу.

Анна Ивановна несколько суеверна. Вот и сейчас кротко вздрогнула, увидев вверху на кирпичной трубе отдыхающую ворону. Мнилось ей, что в эту ворону переместился кто-то из тёмной силы, кто появляется на земле, чтоб кого-нибудь опечалить. Вздрогнула и коза.

Зато Елисей, наполнившись храбростью и азартом, мчится к лестнице через грядки. Пять секунд — и он уже там. Под трубой. Вот-вот бросится на ворону.

Птица, лениво каркнув, перелетает к соседнему дому. Там тоже такая же бурая с тёмным подгаром труба. Усевшись в опушку снега на ней, ворона глядит с усмешкой на Елисея. Попробуй достань её, коли лестницы нет. И кот, сожалея о том, что он не летает, возвращается к Силачихе. Просится к ней на ручки. Но Анна Ивановна как бы его и не видит. И тогда Елисей, цепляясь за старенький ватник, урча, взбирается на хозяйку. Устроившись на плече, тут же заводит уютную песню.

С котовой песней и двинутся дальше. Дойдут до конца посёлка. Там, отворив отводок, выйдут к пруду, за которым целая роща шуршащих шапочками растений. Rogoz! Почему это он, ветра нет, а шуршит, даже потрескивает крахмалом? Анна Ивановна догадалась. Это зайчики расшалились. Даже не расшалились, а увлеклись заготовкой сладких кореньев. Роют лапами чуть прихваченную морозом стылую почву, доставая из-под неё розовое добро.

При виде троицы зайцы испуганно всполошились. Хотели бросить свой промысел и умчаться. Однако сообразили: прибывшие были из неопасных.

Домой Анна Ивановна возвращалась в ласковом настроении. Зайцы, возившиеся с корнями, коза, на которой, как барин, устроился Елисей, блеск дороги и бодрое солнце — всё это поворачивало её к покою, какой, предчувствовала она, будет и завтра, и послезавтра, и жизнь пойдёт у неё как надо.

Коза с котом тоже радовались погоде, и приглашать их в дом хозяйка не стала. Пусть поблаженствуют на просторе.

Но вскоре всю тишину двора прогнал шум воинственного мотора. Приехала почтальонка Наташа. Подвёз её на своём мотоцикле Григорий, местный механик, он же Наташин жених. Зашли оба в дом. Выдали бабушке пенсию — и назад.

День, растрчивая себя, приближался к холодным сумеркам. Стало Анне Ивановне беспокойно. Неладное уловила она в коротеньком рёве козы. Та просилась под дом, в тёплый угол, где была у неё уютная загородка. И кот, обдирая обшивку, заскрёб когтями дверь на крыльце. Пустив обоих

в жилое, Анна Ивановна поспешила пройтись от окна к окну, дабы выгля- деть, что там делается на воле.

И обомлела, когда увидела за избой стаю серых собак. “Да ведь это и не собаки! — вскинулось в голове. — Волки! — и хотела было, схватив коро- мысло, выбежать им навстречу, чтобы их разогнать. Да одумалась. Не спра- виться с ними. Вон их сколько! Хоть с топором иди на них — бесполезно. Замнут. И как ей теперь? Собиралась с пенсии — в магазин. И пошла бы — да как...”

Ночь Анна Ивановна то ли спала, то ли нет, сама не поймёт. Встав с кровати, снова — к окошkam. Сквозь морозные кружева на стекле, ничего толком не разглядела ни во дворе, ни в поле, ни в огороде. Всего скорее, уш- ли ее гости.

Подоила козу. Надавала ей сена. Водой напоила. Собиралась, как и вче- ра, вывести на прогулку. Да не решилась. Коза и сама никуда из своей за- городки не хочет. И кот не просится на крыльцо. “А мне-то как быть? — спросила она у себя. — Кончился хлеб. Заранее бы знать, засушила бы су- харей. Жила бы и взаперти. А тут? Голодом, что ли, сидеть?..”

Нечаянно взгляд Силачихи упал на ковёр над двуспальной кроватью, где висела двустволка покойного мужа. Сняла со стены ружьё. Разломил а его. Увидела оба патрона. О, как обрадовалась она! Словно была уже не од- на. Вокруг знакомые лица. И те, кто отсюда уехал, и те, кто умер, но воз- вратился.

— Кто оборонит меня? — высветилась глазами. — Я! Я и оборонюсь! Слава Богу, стрелять умею. Муж охотник. Многому научил. Спасибо, Лё- шенька, за науку...

Осмелев, Силачиха прошла к комоду. Нижний ящик сам предложил, чтоб она его выдвинула наружу. Выдвинув, откинула серенькую холстинку, а там, играя тускнеющей медью, готовенькие патроны. Муж был запасливым человеком. Знал, что когда-нибудь пригодятся. И нате вам, Анна Ивановна! Готовый подарочек от супруга. Примите, как от живого.

Зачерпнула хозяйка патроны двумя горстями. Положила в карман хала- та. Улыбнулась как молодая: “Теперь мне сам чёрт с ножиками не страшен!”

Поверх халата, заправив его в шаровары, надела Ивановна старенькую фуфайку. На фуфайку — рюкзак.

Вышла из дому, как только почувствовала спиной облегающую двуствол- ку. Шла она весело. Галоши на валенках, знай себе, шлёпали по дороге. Че- тыре версты прошла, даже и не заметив. И вот уже рядом разломки разру- шенной церкви, два каменных дома, аптека и штабель ящиков под крыль- цом невысокого с красными ставнями магазина.

В магазине людей — никого. И она отоварилась в две минуты. Стала ук- ладывать купленное в рюкзак. Ружьё, чтоб не путалось под руками, положи- ла временно на прилавок.

Продавищица немолодая, но строгая. Покосилась глазами-сучочками на ружьё. Сказала, словно оговорила:

— С ружьём-то куда? Нешто будешь стрелять?

Анна Ивановна:

— Думаю, что не буду.

— И то хорошо. А то я подумала: не на волков ли уж собралась?

Силачиха вздохнула:

— А что коли на волков?

Продавищица шутить, видимо, не умела.

— Да то, что не молодая, можешь и промахнуться.

Анна Ивановна недовольно:

— Коль промахнусь, тебя на помощь не позову!

— Да я и сама... — начала продавищица, но Анна Ивановна в дверь уже выходила. Дослушивать недосуг.

Было облачно, но светло. Силачихе казалось, что волки в дневное вре- мя из лесу не выходят. “Всяко, успею”, — сказала она не столько себе, сколько ногам своим, чтоб ступали они быстрее.

Где-то за почтой, где громоздилась в развалах разбитая церковь, она свернула с шоссе на дорогу. Просёлок сразу повёл её в лес.

“Волки. Что волки, — думала Силачиха, — мне ли теперь вас бояться. Не дамся я вам. Не совсем ведь и дряхлая. 68 лет. Уж чего-чего, а нажать на курок, эго дело, смогу. Боевая была и в девушках, и в молодках. Да и сейчас, как солдат. Не зря и прозвище сохранила...”

Ободрив себя, Силачиха прошла луговину, осинник с вырубкой и редины. Впереди, в окружении ёлок белело поле. Белело оно только посередине да с юга. С севера отливало оно беспокойным багрянцем, словно там кто-то с кем-то хлестался, проливая свою и чужую кровь.

“Это от солнышка”, — подумала Силачиха. Да осеклась, услышав под полущалком платок на своей голове, как он стал непослушно и медленно подниматься. Нет. Это было не от того, что она бойко шла. Это были корни волос. Их откуда-то снизу толкнула нервная сила, в которой было предупреждение и даже чей-то панический возглас: “Волки!”

Трое их было. И все как раз на дороге, той самой, что вела Силачиху домой. Стояли, всматриваясь в неё, заранее зная, что будут делать. Силачиха похолодела. Сместила руками рюкзак. Сместила и ляжку ружья. Тут же качнула плечом, и ружьё упало в подставленные ладони. “Встали, как специально, рядышком с домом, — прорезало в голове. — Хоть назад уходи. Но нельзя уходить. Нагонят...”

До зверей было далековато. Шагов 50. Стрелять бессмысленно. Надо ближе. Подойти к ним хотя бы на половину этого расстояния.

Силачихе было не по себе. Однако душа её вскинулась резво-резво и стала сверху повелевать: “Не останавливайся! Иди...”

Шла Силачиха. Шаги её были тяжелыми. Тяжелой была и команда, которую ей отдавала душа: “Сближайся! Сближайся! Не показывай страх. Будь настырнее и храбрее...”

И вот уже волки шагах в тридцати. Силачиха сбросила рукавицу с левой руки. А потом и с правой. Скрип-скрип под галошами. Волки зашевелились. Один из них в сторону забежал. Значит, бросятся с двух сторон. И второй волк куда-то в сторону, но не вправо уже, а влево. С трех сторон на неё. Это худо.

Третий волк с дороги не уходил. Стоял, поставив передние лапы в канавку от мотоцикла. Силачиха увидела брови волка. Под ними — мерцающие глаза. В глазах вдруг прорезало, словно шла в них гроза, и молния выскочила наружу. И в это мгновение палец ее нажал на курок. Выстрел был оглушительный. Однако она не попала.

Тем не менее, волк попятился, даже чуть поскользнулся. И вдруг сделал несколько крупных прыжков в сторону от дороги. Силачиха — за ним. Бойко-бойко. Словно гнала её какая-то внутренняя жестокость, с какой она преследовала того, кто её к дому не пропускал. Снова нажала на спусковой. Грохот такой, что в ушах её заложило. И опять, вроде, мимо.

Распахнув телогрейку, она засунула руку в халат, схватив из кармана почти все патроны. Но тут же и обронила. Только один в руке и остался. Сунув его в патронник, повела стволом к ивовому кусту, где только что прощуршало. И не стала стрелять, сообразив, что волк от нее был дальше, чем надо, на том расстоянии, с какого не попадают.

Силачиха окинула взглядом крайний к лесу участок поля. В свете заката были видны на нём три ныряющие фигурки, которые торопились к лесу, где было так хмуро и так спокойно, и где никто никого не ждал и не ждет. В горле у Силачихи сухо-пресухо.

— Чаю хочю, — шепнула сквозь сухоту и, собрав в снегу разбросанные патроны, тронулась к дому, где ее дожидались чуть живые от страха кот, коза и забившиеся во все закоулки избы тени тех, кто когда-то в ней жил.

Сергей Петрович Багров

ЛЁТЧИК

Утро началось как обычно. Проснувшись, отец первым делом выпил стакан воды. Натянул спортивный костюм и отправился на пробежку.

Они жили в хорошем районе, рядом с домом — большой чистый сквер. Пока бегаешь — наслаждаешься тишиной. Отлично помогает подготовиться к очередному суматошному дню.

Когда отец вернулся, сын уже встал. Домработница приготовила салаты: сперва ели овощной, потом фруктовый.

К здоровому образу жизни нужно привыкать с детства. Станет сын постарше — будем бегать вместе, в очередной раз подумал отец.

За завтраком сын неожиданно сказал:

— Папа, а ты, наверное, мог бы стать лётчиком!

— Мог бы.

— А почему не стал?

Он долго молчал. Воспоминания нахлынули.

Ведь и правда, была у него такая мечта — стать лётчиком. Хоть и быстро прошла, но — была, когда ещё в школе учился. Им на литературе, в качестве внеклассного чтения, задали рассказ про космонавта, который увидел Землю с высоты и поразился, до чего она красивая. Автора отец, конечно, уже не помнил.

Рассказ понравился, хотя космонавта в нём почему-то назвали лётчиком. Отец вспомнил как он, дочитав до конца, первым делом залез на сайт, где можно увидеть Землю из космоса, со спутника. Каждый день потом заходил и долго любовался. Вводил название своего города, смотрел с высоты птичьего полёта на свой дом. Думал: космонавтом мне, конечно, не стать. Их — тех, кто по-настоящему в космос летает — считанные единицы. А вот лётчиком — запросто. Современные самолёты поднимаются на такую высоту, что и до космоса рукой подать...

Как-то раз он открыл этот сайт с телефона, в перемену, хотел найти их школу и показать остальным ребятам. И вдруг подумал: а почему нужно каждый раз вводить координаты? Вот было бы такое приложение для телефона, чтобы само определяло твоё местоположение и сразу показывало, как оно выглядит со спутника, не дожидаясь команды!

Его захватила новая идея. Работать над её воплощением пришлось в одиночку, чтобы эту идею не украли. Дело затянулось, но ему, в конце концов, удалось не только разработать приложение, но и удачно продать. В семнадцать лет он стал богатым. Другой бы остановился на этом, но не он: деньги должны работать. Теперь он был главой компании, которая разрабатывает мобильные приложения. Сам давно ничего не придумывал — всё делали люди, которыми он руководил.

Так что стал он в итоге пусть и не лётчиком, но зато — птицей высокого полёта. Об этом отец и сказал сыну.

— А я хочу стать лётчиком!

— Зачем?

— Чтобы... чтобы... — теперь уже сын задумался, подбирая нужные слова. — Чтобы глядеть сверху, и вся Земля — как на ладони!

— Для этого не обязательно быть лётчиком: всё в телефоне можно увидеть!

— А я сам хочу! — Сын ткнул пальцем вверх. — Прямо оттуда глядеть!

— Пожалуйста. Летом полетим отдыхать — поглядишь.

— Нет, не так! Я сам хочу управлять!

— Будешь хорошо зарабатывать — купишь себе самолёт и научишься.

Если будет время осваивать профессию пилота, мысленно добавил отец. У него самого этого времени не было.

— Необязательно же самолёт покупать, чтобы лётчиком стать! — Сказал сын. — Главное ведь выучиться!

Отец не стал читать ему лекцию о том, что такое деньги, как они делаются и почему быть в наше время лётчиком — не самая лучшая идея.

Рано сыну забивать голову всем этим. Пусть радуется беззаботной жизни, пока можно. Станет старше — сам всё поймёт. Отец понял — значит, и сын поймёт.

— Я хочу стать лётчиком! — повторил сын.

Отец приобнял его и похлопал по плечу:

— Значит, станешь. Кем захочешь — тем и станешь. А не боишься? Падать-то высоко!

— Не боюсь. — твёрдо сказал сын. — Он не испугался, и я не испугаюсь.

— Кто — он?

— Лётчик. Я в книжке прочитал.

— В какой книжке?

— Я в кладовке книжку нашёл...

Конечно, в кладовке. Отец все старые книги отнёс туда: они только место занимают и пыль создают, а почитать можно и с экрана телефона. С другой стороны, выбрасывать их жалко.

— Что за книжка, кто автор?

Когда сын назвал автора, отец вздрогнул.

— Там закладка была. — продолжал сын. — Как раз на этом рассказе, про лётчика. Он увидел Землю из космоса, а потом стал падать и разбился, но не погиб. Наверное, он бы погиб, если бы испугался. Но он увидел, какая Земля красивая, и поэтому ему не было страшно.

Надо же, подумал отец, я даже закладку тогда позабыл вынуть.

— И ты тоже хочешь, как он?

Сын кивнул.

— Я тоже хотел.

Отец вспомнил про телефон. На ночь он всегда отключал звук, а утром видел несколько пропущенных звонков и сообщений. В этот раз — то же самое. Как всегда — аврал, как всегда — без него не справляются.

— Всё, сын, пока. Не скучай. Мне на работу пора.

— Сегодня выходной! — напомнил сын.

— Не у меня.

— Ты слишком много работаешь, папа. — Сын вздохнул. — Поэтому мама от тебя ушла.

Кто-то другой на его месте, наверное, обругал бы мальчишку или дал бы ему подзатыльник. Точно не он. Отец с сыном давно договорились, что каждый из них будет говорить только правду. А то, что сказал сын, было чистой правдой.

Пока отец сидел в машине и ждал, когда поднимется дверь гаража, сегодня какая-то особенно ленивая, он поймал себя на детской мысли: больше всего ему сейчас хотелось бы, чтобы этот гараж стал ангаром, а машина — самолётом. Он выехал бы на дорогу, превратившуюся во взлётную полосу, разогнался бы, оторвался от асфальта и улетел. Подальше от всей этой работы, кризисов, падения курса валют, интернет-пиратов, приносящих их компании огромные убытки...

Глупо, разумеется. Бегство не решает проблем. Но отец, не задумываясь над тем, что делает, гнал машину всё быстрее и быстрее, точно и впрямь надеялся взлететь. Слева — железнодорожная насыпь, справа — обрыв, внизу река серебристо поблёскивает...

В новостях потом написали: “известный бизнесмен не вписался в поворот”.

Отец сам не понял, что произошло. Машина на полной скорости сорвалась с обрыва и рухнула в реку. Сквозь открытое окно в салон хлынула вода.

Несколько мгновений превратились в вечность. Сперва отец оцепенел. Потом очнулся, когда солнце, отразившись от зеркала реки, брызнуло ему в глаза. Понял, что ему несколько не страшно. Когда машина ушла под воду, он уже был готов действовать.

Раз — отец спокойно отстегнул ремень безопасности. Два — распахнул дверь машины. Три — выбрался, оттолкнулся обеими ногами и — даром, что ли, подводным плаванием занимался? — устремился вверх.

Выбрался на берег, упал на песок. Долго кашлял и смеялся. Вот и полетали! Кажется, сегодня всё-таки придётся устроить выходной... Отец полез за телефоном, но тот, не выдержав встречи с водой, превратился в кусок мёртвого пластика.

— Мужчина, вы живы?

Девочка-подросток, худенькая, босая, в закатанных до колен джинсах, облезлой майке и бандане, смотрела на него с испугом, но отцу показалось, что за этим испугом в глазах девочки прячется смешинка. Да, наверное, он забавно выглядит, в своём дорогом костюме, насквозь мокрым и испачканным в песке...

— Давайте я вам вызову “скорую помощь”. — Девочка достала мобильный телефон — такой старый, что только в музей сдать. Надо будет купить ей новый, подумал отец и усмехнулся: это всё, о чём ты можешь думать сейчас — о старых и новых телефонах? Совсем заработался!

— Не надо “скорую помощь”. Вызовите лучше... да, кого-нибудь.

— Вы кто? — спросила девочка. — Ну, в смысле, если спросят, кто вы — что сказать?

Он поднялся, отряхнулся, машинальным движением поправил мокрый галстук.

Прикрыв глаза рукой, от солнца, провёл взглядом по безмятежной, будто и не было аварии, глади реки и ответил:

— Скажите, что я лёгчик.

Андрей Сергеевич Кузечкин

ПО КАПЛЕ ВОЗВРАЩАТЬ ДОЖДЬ

День выдался жарким. Семья Шонг спасалась в тени соломенного навеса у крыльца своего дома. Старик откинулся на спинку плетёного кресла, в гамаке лежал молодой мужчина, женщина шелушила фасоль, сидя на табуретке.

— Пятна на ткани памяти могут поблекнуть, но не исчезнуть, — вдруг сказал старик Нуо. Чай с утра не остывал в его чашке, лёд в посёлок привозили раз в неделю; все в семье знали, что когда жарко и невозможно работать, старик заводит длинные разговоры.

— Ты даже не помнишь год, в который родился, — усмехнулась невестка, наблюдая за толчеей мошек над лужей.

— Зачем мне помнить ненужные вещи? — ответил ей старый Нуо. — Память — это лаковая шкатулка, в ней нельзя хранить гвозди. Такой её никому не подарить.

— Ты никогда не дарил мне лаковой шкатулки, — сказала женщина мужу. Тот, в гамаке, притворился спящим. Две девочки трёх и пяти лет катали шарик по полу. Худая собака сидела у ног Нуо и выгрызала блох с брюха. Стрелки часов не двигались, солнце тоже застыло над плантацией питахайи, дымка на горизонте размазала горы. Невестка зевнула, за ней зевнули старшая девочка и собака. Вдруг что-то прорезало цельное полотно тишины. Это был звук мотора.

— Кто-то едет, — сказала женщина.

Всё семейство посмотрело на дорогу. Двое молодых людей со светлыми волосами и обгоревшей до красноты кожей въехали в деревню на мотоцикле.

— Туристы, — произнесла невестка. — Наверно, французы. — Глаза её загорелись. Она подошла к краю дороги и замахала тряпкой. — Food, pourriture, comida.

Молодые люди остановились возле неё. — Food, food, — трещала женщина. Иностранцы переглянулись. Тот, кто был сзади, пожал плечами. Тот, кто рулил, заглушил мотор, откатил мотоцикл под пальму. Подошли к столу, где над горячим чаем согнулся дедушка Нуо, и неловко сели.

— Hot, — улыбнулся им старик. — Жарко, — улыбнулся в ответ один из белых.

Нуо заволновался, заморгал часто.

— Рус... русски?

— Русские, русские, — заулыбались уже оба. Глаза старика вспыхнули, кости затрещали, когда он потянулся, чтобы пожать им руки.

— Кам он, кам он, — заговорил Нуо по-вьетнамски, укоряя себя, что забыл это слово по-русски.

Иностранцы переглянулись, засмеялись, по очереди пожали ладонь старика. Невестка вышла из хижины с тарелкой рисовой лапши, за ней старшая девочка вынесла ещё одну миску. Младшая принесла палочки, но Нуо тут же сказал ей, чтобы достала ложки.

— Ты чего такой беспокойный? — спросила старика невестка.

— Они из России. Советский Союз. Понимаешь?

Женщина пожала плечами, Нуо отвернулся: ей было двадцать три, и она, конечно, не понимала. Нуо не видел таких широколицых, лазурноглазых, казалось, целую вечность. Когда-то давно они приехали со стороны Китая на больших машинах, словно появились добрыми драконами из рассвета. Того, кто объяснял молодому солдату Нуо как обращаться с танком, звали Дмитрий. Нуо научился правильно выговаривать его имя, только когда этот русский уехал, но вьетнамец надеялся, что однажды снова его увидит. Теперь два таких Дмитрия сидели перед ним и ели рисовую лапшу в его доме. Старик поднялся, оторвал с куста ветку, вернулся в кресло и принялся отгонять от путников мошек. Те удивлённо посмотрели на Нуо и благодарно кивнули, а он всё ждал услышать от них то самое слово. Нуо заёрзал. Вспомнились сначала страх, потом отчаяние и ужас, которые принесли с собой на его землю похожие на этих, но совсем другие люди. Десять миллионов бомб, напалм, агент орандж, тысячи вертолётчиков, из которых высыпались солдаты с винтовками и ножами, жадные до вьетконгской крови. Старик покачал головой, чтобы вытрясти ржавые гвозди из своей лаковой шкатулки сокровищ.

Сейчас тихо, рыбаки расставляют сети, повсюду залиты рисовые поля, растут внучки, по двору ходят курочки и толстеют. Зачем высккивать на золотом руне жизни старые кровавые пятна? Два путника положили ложки в пустые тарелки. Один достал из кошелька разноцветные донги, отсчитал несколько кушур. Нуо вскочил и замахал руками.

— Нет, нет, — вспомнил Нуо ещё одно услышанное от Дмитрия слово. Иностранцы опешили и разом сказали:

— Спасибо.

Старик просиял:

— Сфасиба, сфасиба!

Он принялся целовать им руки. Странники смутились и попятились к мотоциклу, помахали на прощание и скрылись. Нуо ещё долго стоял на дороге, отирал пот и кричал им:

— Сфасиба!

Потом вернулся к своему креслу, сел перед горячим чаем и всё повторял, чтобы не забыть:

— Сфасиба.

Сын наблюдал за ним из гамака, невестка стояла в дверном проёме, девочки держали её за юбку.

— Ты зачем так? — спросила женщина Нуо. — На что мы купим костей для бульона?

— Десять миллионов бомб. Ты представляешь, сколько это? Столько же, сколько рисовых зёрнышек на всём поле. Половину людей этой страны убили. Половину. Если бы не они, не осталось ни одного вьетнамца. Мы перед ними в долгу. Даже дождь можно вернуть по капле. Это была наша капля.

Невестка махнула рукой и пошла в хижину мыть тарелки. Сын засопел. Девочки снова взялись катать шарик, собака задремала, мошки толклись над лужей, солнце стояло где стояло.

Нуо смотрел на всё это и шептал:

— Сфасиба.

Мария Александровна Титова